

УДК 1:316.3+316.47

Механизмы воздействия ритуала на индивидуальное время

А.А. НИВНЯ

Южноукраинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Одесса, Украина

Авторское резюме

В данной статье исследуется механизм воздействия архаического, религиозного и современного ритуалов на индивидуальное время его участников. Определены особенности протекания времени в ходе религиозного ритуала. Оценено влияние наркотических веществ и физических испытаний на субъективное время. Исследовано явление ритуализации алкоголя в современном мире. Произведен анализ звуковых образов, составляющих ритуальный текст. Установлена роль звука и голоса, как оберегов, а также медиаторов между областями профанного и сакрального. Выявлена роль звуковых маркеров в традиционном и христианском календарях. Установлено наличие подобной маркировки в современном мире, определено наличие звуковой маркировки в жизненном цикле. Исследован ритуальный ритм как мощное средство ритуального языка. Установлена способность ритма переключать индивида на высшие уровни сознания. Рассмотрена музыка как мощное культовое средство, представляющее синтез звука и ритма. Установлены наличие посреднической и гармонизирующей функций музыки в мифологическом сознании. Выявлено влияние музыки на физиологию слушателя. Установлена трансформация актуальных идеологических установок в музыкальные тексты, с дальнейшей ритуализацией последних, и их включением в календарный цикл.

Ключевые слова: обряд; ритм; звук; профанное; сакральное

Impact of the ritual on individual time

A.A. NIVNYA

K. D. Ushynsky south ukrainian national pedagogical university, Odessa, Ukraine

Abstract

This article investigates the impact of the archaic, religious, and modern rituals on individual time of its participants, defining peculiarities of the time flow in the course of a religious ritual. It establishes the effect of narcotic substances and physical tests on the subjective time, studying the phenomenon of alcohol ritualization in the modern world.

The author analyzes sound images which make up the ritual text, revealing the role of sound and voice as talismans as well as the mediators between the areas of the profane and the sacred.

The study defines the role of sound markers in the traditional and Christian calendars. It confirms the presence of such markers in the modern world. Moreover, the article determines the presence of sound marking in the life cycle.

The author studies ritual rhythm as a powerful tool of ritual language, establishing its ability to bring the individual to the higher levels of consciousness.

Music is interpreted as a powerful tool of worship representing a synthesis of sound and rhythm. The article investigates mediating and harmonizing functions of music in the mythological consciousness, revealing the impact of music on the listener's physiology. It establishes transformation of current ideological attitudes in the musical texts, with the further ritualization of the latter as well as their inclusion in the calendar cycle.

Keywords: ritual; rhythm; sound; the profane; the sacred

Механізми впливу ритуалу на індивідуальний час

Г.О. НИВНЯ

Південноукраїнський національний педагогічний університет ім. К.Д. Ушинського
Одеса, Україна

Авторське резюме

В даній статті досліджується механізм впливу архаїчного, релігійного та сучасного ритуалів на індивідуальний час його учасників. Визначені особливості протікання часу в ході релігійного ритуалу. Оцінений вплив наркотичних речовин і фізичних випробувань на суб'єктивний час. Досліджено явище ритуалізації алкоголю у сучасному світі. Зроблений аналіз звукових образів, що становлять ритуальний текст. Встановлена роль звуку і голосу, як оберегів, а також медіаторів між областями профанного та сакрального. Виявлена роль звукових маркерів у традиційному та християнському календарях. Встановлена наявність подібної маркировки у сучасному світі, визначена наявність звукової маркировки в життєвому циклі. Досліджено ритуальний ритм як потужний засіб ритуальної мови. Встановлена здатність ритму переносити індивіда на вищі рівні свідомості. Розглянута музика як потужний культовий засіб,

що представляє синтез звуку і ритму. Встановлені наявність посередницької і гармонізуючої функцій музики в міфологічній свідомості. Виявлено вплив музики на фізіологію слухача. Встановлена трансформація актуальних ідеологічних установок в музичні тексти з подальшою ритуалізацією останніх та їх включенням у календарний цикл.

Ключові слова: обряд; ритм; звук; профанне; сакральне

Постановка проблеми. Важнейшие события в жизни человека и общества происходят в сопровождении ритуала. Особенностью такой формы переживания событий является изменение восприятия времени участниками обрядового действия. В рамках ритуала время может менять свой темп и вектор, и современный индивид стремится к подобному уходу от стремительных повседневных ритмов. Данное направление было намечено автором в публикациях «Коррелятивные связи ритуала и времени в современном обществе» и «Влияние ритуала на индивидуальное время» [18; 19]. В данном исследовании автор обращается к углубленному анализу особенностей механизма воздействия ритуала на индивидуальное время участников.

Анализ исследований и публикаций. Особенности течения времени в ходе религиозного ритуала исследовал М. Элиаде. Влияние на индивидуальное время наркотических веществ, истязаний и т. д. описывает Я. Васильков. Символический смысл звуковых образов мы находим в исследованиях Т. Агапкиной, А. Барковой, Л. Мориной и т. д. Исследован ритм как средства языка ритуала занимались А. Антонова, А. Темченко и другие.

Цель исследования. Осветить механизм влияния ритуала на индивидуальное время акторов; определить степень воздействия ритма и звука на чувства участников ритуала.

Изложение основного материала. Помимо влияния на социальное время, ритуал воздействует на время индивидуальное. Известный исследователь М. Элиаде разделяет время христианина на линейное мирское и литургическое сакральное. Таким образом, прихожанин во время богослужения переносится в литургическое изначальное время, становясь современником Христа. В религиозном, как и в традиционном обряде, зрителей не существует, так как все участники богослужения становятся соучастниками сакральных событий и воспроизводят «*illud tempus*» [24, с. 30-31].

«Знать ритуал означает войти в его ритм, ощутить себя частью всего мира, приобщиться к событиям вселенского масштаба. Поэтому ритуал не проводит четкой грани между священным и непристойным. Карнавалы или, например, праздник дураков в такой же степени, как и религиозные ритуалы позволяют человеку радикально нарушить течение жизни и испытать экстаз» [5, с. 407]. Достижению экстаза в ритуале способствуют одурманивающие вещества, ритм и танцевальное круговое движение [14]. Влиянием на индивидуальное время

участников обладает не только религиозный, но и архаический, и современный ритуал. Далее мы опишем механизмы, благодаря которым это происходит.

В научной литературе описано влияние на восприятие времени сильнодействующих ядовитых средств. Подобные одурманивающие вещества в сочетании с постом и различными видами истязания применялись в древних обрядах инициации. В таких случаях индивидуальное время посвящаемого сворачивалось, в восприятии иницируемого возникали провалы во времени, а также нарушения памяти. В Древней Индии наркотические вещества использовались для вхождения в ритуальный транс, осмысливаемый, как «путешествие в мир богов» [7, с. 102].

В современном мире неперенным компонентом любого торжества служит алкоголь. Воздействуя на сознание, он словно смывает с мироощущения индивида налет обыденности, исключает событие из повседневного контекста, придавая ему значимость. Существует множество обычаев, связанных с приемом алкоголя: так называемая «штрафная» опоздавшему, нежелательность оставления недопитого напитка. Ритуализация алкоголя проявляется также в обязательности его приема. Так, непьющий человек в компании становится объектом множества вопросов, а в некоторых случаях – насмешек. В функции ведущего праздников входит организация не только конкурсов, но и возлияний.

Человеческое зрение связано с сознанием, а слух – с бессознательным [3]. Потому мы считаем нужным обратиться к анализу звуковых образов, пронизывающих ритуальный текст, поскольку именно они напрямую воздействуют на глубинные слои психики участников обрядового действия, настраивая их на единую эмоциональную волну.

Голос в мифологическом сознании символизирует освоенное человеком пространство. Мир мертвых мыслится, как место, лишённое звуков, свойственных живым [11]. Молчание и тишина, таким образом, также служат текстами, символизирующими потустороннее пространство [16]. Молчание может представлять собой вариант берега от нечистой силы [11].

Звуку и голосу приписывалось свойство берега. Определенные шумы могли защитить от нечистой силы, недобрых людей или стихийных бедствий. Звук используется для перехода между профанным и сакральным пространствами, между реальным и трансцендентным, че-

ловеческим и нечеловеческим [3]. Например, имитируя голос животного, шаман перевоплощается в животное [24]. В связи с этим определенные музыкальные инструменты приобретают соответствующую символику. Так, барабан, широко используемый в обрядовых действиях различных культур, символизирует связь между мирами [23]. В христианстве звук имеет величайшую смысловую нагрузку, начиная космогоническим смыслом слова и заканчивая эсхатологическим возвещением звука о начале Страшного суда.

В традиционном календаре имела место звуковая маркировка времени. Нейтральный голос и повседневные шумы не представляют ценности для обрядовой сферы. Для перехода на обрядовый уровень переживания необходимы нетипичные для данного существа, места или времени звуки. Для размежевания календарных событий использовались специальные звуковые образы, созданные человеком (звон церковного колокола, обрядовые песни) или же ритуальное значение придавалось звукам природы [1].

В современном мире подобный феномен сохранился в основном в праздниках, связанных с Новым годом и Рождеством. Самыми яркими звуковыми маркерами в этом смысле являются бой часов и звон бокалов. Получивший распространение в последние десятилетия обычай запускать фейерверки, позаимствованный от китайцев, с символической точки зрения призван разогнать злых духов посредством громкого шума [6]. Важнейшим музыкальным маркером служит Государственный гимн, открывающий Новый год, настраивающий весь коллектив на одну эмоциональную волну патриотизма, единства народа. К музыкальным маркерам в современном мире мы считаем возможным причислить всевозможные колядки и щедривки, традиционные песни на детских утренниках и музыкальные хиты, наполняющие пространство социальных сетей, пред- и постновогодний телерадиоэфир, в том числе рекламные ролики. В звуковой палитре таких произведений преобладает звук колокольчика, создающий для слушателя атмосферу сказки, чуда.

Христианский календарный круг маркируется колокольным звоном и церковными песнопениями, приуроченными к конкретным праздникам. Звук колокола имеет глубокую символику. В общем смысле он олицетворяет ход времени, во многих религиях колокольный звон символизирует божественный голос или служит призывом к молитве [23].

Жизненный цикл также маркируется звуками. К таким общепринятым звуковым маркерам можно причислить свадебный и похоронный марши, музыкальные произведения, ставшие традиционными для празднования дней рождения и т. п.

Помимо звука, важнейшим средством ритуального языка служит ритм. По мнению А. Антоновой ритуальный ритм является непосредственной сутью и содержанием инстинктивной программы ритуализации. Ритуальный ритм также необходим для выживания коллективного организма вида, как ритм дыхания или биения сердца для организма биологического. Таким образом, стремление к ритуальной ритмизации предлагается считать генетической особенностью организма, а не имитацией природных ритмов [2].

Обрядовый ритм является проекцией перво ритма [21]. Повторение ритмизированных формул имеет целью гармонизацию различных уровней бытия, установление связей между ними и введение участников ритуального действия в высшее состояние сознания [9]. По мнению Р. Генона именно ритмизация обуславливала сакральную природу древней поэзии [9]. Техника ритмического дыхания пранаяма, применяющаяся в йоге, повышает сенсорное восприятие и переводит его на уровень, недоступный в условиях обычного поведения [24].

Ритм в обряде, наряду с прочими ритуальными средствами, выполняет важную гармонизирующую функцию: «Любое обрядовое действие есть инсценировка мифа. Движение, жест, ритм, звуки, мелодические интонации выполняют здесь конкретные функции, первейшая из которых – космическая гармонизация: творение мира в категориях пространства и времени, где движение есть восстановление разрушающегося пространства, а ритм движения – восстановление пульсирующего в этом ритме времени» [Цит по: 20, с. 69]. В лекарском обряде от ритмики большей частью зависит благополучный исход ритуальных действий, так как смысловые акценты образуют ритмико-звуковую матрицу заговора [21].

В основе механизма воздействия ритуального ритма на человеческую психику лежит принцип миметического резонанса, то есть, принцип подражания ритму. Двигательный, эмоциональный и мыслительный центры человека находятся в тесной зависимости, потому, воздействуя на тело, можно воздействовать на сознание и наоборот [17]. Воздействие ритуала базируется на этом принципе, предписанные ритуалом жесты, позы, повторение предписанных фраз, музыка, пение и танец воздействуют на сознание и изменяют его. При этом у актеров возникает иное ощущение реальности. По мнению Э. Дюркгейма, трансформация повседневных идей в сакральные происходит во время совершения ритуалов, включающих в себя элементы пения и танца [17]. Приемы ритмизации и повтора широко используются в манипулятивных текстах [2].

Установив семантику звука и ритма в ритуале обратимся к музыке, как к мощному

средству культовой деятельности, представляющему собой явный синтез вышеупомянутых явлений. Музыка в мифологическом сознании служила посредником между потусторонним и посюсторонним мирами, являлась способом общения с предками и богами [8], отождествлялась с началом мира [23]. Музыка олицетворяла космическую гармонию в звуке, упорядочивала мир, согласно поверьям, искусно овладевая ее законами, человек мог управлять живым и неживым [11]. Так, в Китае музыка служила регулятором человеческого бытия, выполняла множество функций, в том числе политическую, воспитательную и врачевательную [10]. Неправильное музицирование способно было нарушить мировую гармонию, потому к исполнению музыкальных произведений относились со всей серьезностью: «Когда благородный человек берет за лютню, то это для того, чтобы упорядочить ритм, а не предаваться душевному веселью» [Цит. по:10, с. 182]. Музыка способна воздействовать на физиологию слушателя, например изменять частоту его пульса и дыхания [12]. Таким образом, сознание слушателя выключается из реального, физического времени и перемещается в сферу вневременных категорий [3]. Трансперсональные «психологи видят в интенсивной практике дыхательных упражнений в сочетании со слушанием музыки наиболее эффективный способ трансформации сознания после психоделиков» [22, с. 173]. Также музыка способна гармонизировать коллектив [15]. Вышеперечисленные факторы объясняют тот факт, что музыка является мощным инструментом для выделения из контекста повседневности особых ситуаций – культа и ритуала [3]. Так, духовная музыка, сопровождающая православный ритуал богослужения, представляет собой особый опыт связи с высшим началом. Церковно-певческое искусство обособливается от мирского путем использования специфических музыкальных средств. Музыкальный такт лишается размера, усложняется ритмика, от чего исчезает периодическая пульсация, что создает эффект перехода в другое измерение. Слушатель словно лишается субъективного восприятия реальности, выпадает из привычного ритма в область трансценденции, прикасается к вечности [13].

В православной традиции огромное значение придается вербальной составляющей духовного произведения. По этой причине отсутствуют сложные полифонические фигу-

ры, которые могли бы отвлечь слушателя от текста. Православная музыкальная традиция отрицает использование музыкальных инструментов, поскольку они лишены души. Вокальное акапельное исполнение, в свою очередь, усиливает значимость слова, сосредотачивает внимание участников религиозного ритуала на смысловой составляющей произведения [13].

Известно, что песня и танец служат средствами трансляции мифа через ритуал [4]. По такому же принципу через духовную музыку транслируется текст священного писания. Также через народную песню транслировались нормы и правила, свойственные для конкретной культурной среды [15].

Царящая в конкретном обществе идеология кристаллизуется в песнях, звучащих во время государственных праздников. Такие произведения формируют ценностные установки индивидов, поддерживают преемственность. Некоторые события, значимые для всего государства, включаются в календарный круг и музыкальные произведения, созданные в связи с такими событиями становятся календарными музыкальными маркерами. Самым ярким примером такого события на постсоветском пространстве является празднование Дня Победы и музыкальные произведения с ним связанные.

Выводы. В момент совершения обряда индивид выпадает из повседневного временного потока. В рамках религиозного ритуала происходит реконструкция прошлого и переход участников обрядового действия в сакральное время. Таким образом, участники ритуала изымаются из течения линейного времени, приобщаются к вечности, что обуславливает нивелирование страха смерти.

Осветив механизм воздействия звука, ритма и музыки в целом на человеческое подсознание и индивидуальное время, выявив символический смысл звуковых образов, мы можем констатировать немаловажную роль звука и ритма в ритуальном тексте. Психотерапевтический эффект ритуалов, воздействующих на индивидуальное время акторов, обязан своим существованием воздействию семантически заряженных звуковых образов, ритмических структур, наркотических веществ, танцевального движения и символизации телодвижений. Максимальный энергетический заряд ритуал приобретает, когда в нем наличествуют все вышеупомянутые элементы.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ:

1. Агапкина Т. А. Звуковое поле традиционного календаря / Т. А. Агапкина // Голос и ритуал : материалы научной конференции (Старая Руза (Моск. обл.), май 1995 г.) / [редкол.: Е. А. Дорохова, Н. И. Жуланова, О. А. Пашина]. – Москва, 1995. – С. 9-11.
2. Антонова А. В. Филогенетическая ритуализация и речевые повторы в манипулятивных сообщениях / Антонова А. В. // Вестник Челябинского государственного педагогического университета / гл. ред. В. В. Латышин. – Челябинск, 2010. – Вып. 6. – С. 225-234.

3. Арановский М. Г. Психическое и историческое / М. Арановский // Процессы музыкального творчества : сб. статей / РАМ им. Гнесиных. – М., 2005. – Вып. 8 (166). – С. 7-20.
4. Аринин Е. И. Религиоведение. В 2 ч. Ч. 1 / Е. И. Аринин ; Владим. гос. ун-т. – Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2005. – 115 с.
5. Багдасарян В. Э. Символы, знаки, эмблемы : энциклопедия / авт.-сост.: В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, В. Л. Телицын ; под ред. В. Л. Телицына. – 2-е изд. – М. : Локид-Пресс : Рипол Классик, 2005. – 495 с. : ил.
6. Баркова А. Л. Новый Год: символика современного ритуала / А. Л. Баркова // Человек : иллюстрированный научно-популярный журнал. – 2002. – № 1. – С. 56-67.
7. Васильков Я. В. Древнеиндийский вариант сюжета о «безобразной невесте» и его ритуальные связи / Я. В. Васильков // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / сост. Л. Ш. Рожанский ; отв. ред. Е. С. Новик. – М. : Наука, 1988. – С. 83-127.
8. Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов : монография / Н. Н. Велецкая ; отв. ред. С. А. Плетнева. – М. : Наука, 1978. – 235, [4] с.
9. Генон Р. Символы священной науки / Рене Генон ; [пер. с фр. Ника Тирос]. – М. : Беловодье, 2002. – 494 с. : ил.
10. Коломиец Г. Г. Некоторые вопросы философской мысли о музыке Древнего Китая: статус и назначение в антропо-социальном аспекте / Коломиец Г. Г. // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 7 (101). – С. 181-187.
11. Королев К. М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / К. Королев (авт.-сост.). – М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2005. – 603 с. : ил.
12. Лангер С. Философия в новом ключе : Исследование символики разума, ритуала и искусства / Сюзен Лангер ; пер. с англ. С. П. Евтушенко ; общ. ред. и послесл. В. П. Шестакова ; примеч. Р. К. Медведевой. – М. : Ресублика, 2000. – 287 с. – (Мыслители XX века).
13. Ланкин В. Г. Смысл и язык духовной музыки православной традиции / В. Г. Ланкин, Е. Е. Ланкина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 13 (115). – С. 247-253.
14. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с. : ил.
15. Мельникова А. А. Музыка и специфика русского ритуала / А. А. Мельникова // Звучащая философия : сборник материалов конференции / ред. кол. вып.: Орлов Д. У., Пигров К. С., Секацкий А. К. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С.131-137.
16. Морина Л. П. Семиотика ритуализированных поведенческих форм культуры : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора философ. наук : спец. 24.00.01 «Теория и история культуры» / Морина Лариса Павловна. – СПб., 2008. – 42 с.
17. Нечипуренко В. Н. Ритуал: генезис социального бытия и формирование субъективности : дис. ... доктора филос. наук : 09.00.11 / Нечипуренко Виктор Николаевич. – Ростов-на-Дону, 2002. – 329 с.
18. Нивня А. А. Влияние ритуала на индивидуальное время / Нивня А. А. // Матеріали Дніпропетровської сесії III Всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною участю «Придніпровські соціально-гуманітарні читання» (29 листопада 2014 р.). У 4 ч. Ч. IV / Придніпровський науковий центр НАН України і МОН України [та ін.]. – Дніпропетровськ, 2014. – С. 112-114.
19. Нивня А. А. Коррелятивные связи ритуала и времени в современном обществе / Нивня Анна // American Journal of Scientific and Educational Research. – New York, 2014. – No.1. (4), vol. II. – P. 372-376.
20. Смирнягина Т. Ю. Мифопоэтические истоки пластического театра / Т. Ю. Смирнягина // Труды Санкт-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – Т. 194. – С. 65-71.
21. Темченко А. І. Ритм у лікувальних обрядових текстах: міфологія дискурсу і семантика образної системи / Темченко А. І. // Вісник Черкаського університету. Серія: Історичні науки. – Черкаси, 2015. – № 29 (362). – С. 61-71.
22. Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного. Трансперсональные состояния и психотехника / Е. А. Торчинов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 1998. – 384 с. – (Orientalia).
23. Тресиддер Д. Словарь символов / Джек Тресиддер ; [пер. с англ. С. Палько]. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 443, [1] с. : ил.
24. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии : пер. с англ. / Мирча Элиаде. – М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 1996. – 288 с. – (Актуальная психология).

Стаття надійшла до редакції 16.06.2016

REFERENCES:

1. Agapkina, T.A., 1995. Zvukovoe pole tradicionnogo kalendarja [Sound field of traditional calendar]. V E.A. Dorohova (red.), N.I. Zhulanova (red.), O.A. Pashina (red.), Golos i ritual : materialy nauchnoj konferencii (pp. 9-11). Gos. institut iskusstvovoznaniya, Moskva (in Russian).
2. Antonova, A.V., 2010. Filogeneticheskaja ritualizacija i rechevyje povtory v manipuljativnyh soobshhenijah [Phylogenetic ritualization and the voice repeats in manipulative messages]. Vestn. Cheljabinsk. gos. pedagog. univ. 6, 225-234 (in Russian).
3. Aranovskij, M.G., 2005. Psihicheskoe i istoricheskoe [Mental and historic]. Processy muzykal'nogo tvorchestva 8(166), 7-20 (in Russian).
4. Arinin, E.I., 2005. Religiovedenie, chast' 1 [Religious studies, part 1]. Izd-vo Vladim. gos. un-ta, Vladimir (in Russian).
5. Bagdasarjan, V.Je., Orlov I.B., Telicyn V.L., 2005. Simvolj, znaki, jemblemj : jenciklopedija (2-e izd.) [Sym-

- bols, signs, emblems: encyclopedia (2nd ed.]. Lokid-Press, Moskva (in Russian).
6. Barkova, A.L., 2002. Novyj God: simbolika sovremennogo ritual [New year: the symbolism of modern ritual]. Chelovek, 1 56-67 (in Russian).
7. Vasil'kov, Ja.V., 1988. Drevneindijskij variant sjuzheta o «bezobraznoj neveste» i ego ritual'nye svjazi [Ancient indian version of the story about the «ugly bride» and its ritual context]. V L.Sh. Rozhanskij (sost.) i E.S. Novik (otv. red.), Arhaicheskij ritual v fol'klornyh i ranneliteraturnyh pamjatnikah (pp. 83-127). Nauka, Moskva (in Russian).
8. Veleckaja, N.N., 1978. Jazycheskaja simbolika slavjanskih arhaicheskikh ritualov [Pagan symbolism of Slavic archaic rituals]. Otv. red. S.A. Pletneva. Nauka, Moskva (in Russian).
9. Guénon R., 2002. Simvolj svjashhennoj nauki [Symboles de la Science Sacr e]. Belovod'e, Moskva (in Russian).
10. Kolomiiets, G.G., 2009. Nekotorye voprosy filosofskoj mysli o muzyke Drevnego Kitaja: status i naznachenie v antropo-social'nom aspekte [Some questions of philosophical thought about the music of Ancient China: status and appointment in the anthropo-social aspect]. Vestn. Orenburg. gos. univ. 7(101), 181-187 (in Russian).
11. Korol'ov, K.M., 2005. Jenciklopedija simbolov, znakov, jemblem [Encyclopedia of symbols, signs, emblems]. Jeksmo, Moskva (in Russian).
12. Langer S., 2000. Filosofija v novom ključe : Issledovanie simboliki razuma, rituala i iskusstva [Philosophy in a New Key : A study in the symbolism of reason, rite and art]. Respublika, Moskva (in Russian).
13. Lankin, V.G., Lankina, E.E., 2011. Smysl i jazyk duhovnoj muzyki pravoslavnoj tradicii [Meaning and language sacred music of the Orthodox tradition]. Vestn. Tomsk. gos. pedagog. univ. 13(115), 247-253 (in Russian).
14. Makovskij, M.M., 1996. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropskikh jazykah : Obraz mira i miry obrazov [A comparative dictionary of mythological symbols in the indo-european languages : Image of world and worlds of images]. Gumanit. izd. centr VLADOS, Moskva (in Russian).
15. Mel'nikova, A.A., 2003. Muzyka i specifika russkogo rituala [Music and particularity of russian ritual]. V Orlov D.U.(red.), Pigrov K.S. (red.), Sekackij A.K. (red.), Zvuchashhaja filosofija (pp. 131-137). Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, Sankt-Peterburg (in Russian).
16. Morina, L.P., 2008. Semiotika ritualizirovannyh povedencheskikh form kul'tury (avtoref. dis. doktora filosof. nauk) [Semiotics of ritualized behavioral forms of culture (Dissertation abstract)]. Sankt-Peterburg. gos. univ., Sankt-Peterburg (in Russian).
17. Nechipurenko, V.N., 2002. Ritual: genezis social'nogo bytija i formirovanie sub#ektivnosti (dis. ... doktora filios. nauk) [Ritual: the genesis of social existence and the formation of subjectivity (Unpublished doctoral dissertation)]. Rostovskij gos. univ., Rostov-na-Donu (in Russian).
18. Nivnya, A.A., 2014. Vlijanie rituala na individual'noe vremja [The influence of ritual on individual time]. Materialy Dnipropetrovskoi sesii III Vseukrainskoi naukovy-praktychnoi konferentsii z mizhnarodnoiu uchastiu «Prydniprovski sotsialno-humanitarni chytannia» (pp. 112-114). Innovatsiia, Dnipropetrovsk (in Russian).
19. Nivnya, A.A., 2014. Korreljativnye svjazi rituala i vremeni v sovremennom obshhestve [Correlative relationships of ritual and time in modern society]. American Journal of Scientific and Educational Research 1(4), 372-376 (in Russian).
20. Smirnjagina, T.Ju., 2012. Mifopojeticheskie istoki plasticheskogo teatra [The mythopoetic origins of plastic theatre]. Trudy Sankt-Peterburg. gos. univ. kul'tury i iskusstv 194, 65-71 (in Russian).
21. Temchenko, A.I., 2015. Rytm u likuvalnykh obriadovykh tekstakh: mifolohiia dyskursu i semantyka obraznoi systemy [Rhythm in therapeutic ritual texts: mythology of discourse and semantics of imaginative system]. Visn. Cherkas. univ. Ser. Istor. nauky 29(362), 61-71 (in Ukrainian).
22. Torchinov, E.A., 1998. Religii mira. Opyt zapredel'nogo. Transpersonal'nye sostojanija i psihotehnika [Religions of the world. Experience of the transcendence. Transpersonal states and psychotechnique]. Peterburgskoe vostokovedenie, Sankt-Peterburg (in Russian).
23. Tresidder, J., 1999. Slovar' simbolov [The dictionary of symbols]. FAIR-PRESS, Moskva (in Russian).
24. Eliade, M., 1996. Mify, snovideniija, misterii [Myths, dreams and mysteries]. Vakler, Kyiv (in Russian).

Нивня Анна Александровна – аспирант

Южноукраинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Адрес: 65104, Одесса, ул. Старопортофранковская, 26

Nivnya Anna A. – postgraduate

K. D. Ushynsky south ukrainian national pedagogical university

Address: 26, Staroportofrancovskaya Str., Odessa, 65104, Ukraine

E-mail: pelangi@ukr.net

Нівня Ганна Олександрівна – аспірант

Південноукраїнський національний педагогічний університет ім. К.Д. Ушинського

Адреса: 65104, Одеса, вул. Старопортофранківська, 26